

35 лет на сцене

Театральная общественность Читы отмечает сегодня шестидесятилетие артиста и режиссера Константина Михайловича Агеева. Три с половиной десятилетия из 60 безраздельно отдал он сцене, театру, искусству.

Годы не состарили артиста. Дело не в том, что он с молодых лет и до сих пор занимается гимнастикой, увлекается спортом. Дело и не в том, что искусно замаскированный грим «сбрасывает» актеру, в зависимости от исполняемой роли, двадцать—двадцать пять лет... Не в этом секрет той молодой силы и той подкупающей свежести, которые свойственны Агееву на сцене, того горения и той живости ума и чувства, которые присущи Агееву в жизни.

Говоря словами Белинского, Агеев — сын своей страны, гражданин своего общества, принимающий к сердцу его интересы и постигший его истинную значительность. Поэтому сцена никогда не являлась для Агеева просто «рабочим местом» актера. Нет, для него сцена советского театра — это трибуна революционных идей, преобразующий мир и человека; советский актер — пропагандист нового общественного строя, новой экономики, новой культуры, новой морали.

Невозможно разделить личную и творческую биографию артиста. Они находятся в неразрывном единстве. У сына сибирского батрака Константина Агеева с детства был чудесный голос, чтение было его любимым занятием; его волновали народные песни, привлекала игра странствующих актеров. Но об учебе, об искусстве приходилось только мечтать.

— Учеба? Вот тебе три класса приходского училища, — хватит! Искусство? Вот тебе конторка в лавке астраханского купца, — доволен?

«Нет, нехватит», — решает молодой Агеев, и с помощью знакомых студентов занимается самообразованием, участвует в самостоятельных спектаклях. Голос у него настолько хорош, игра его настолько обаятельна, что его приглашают выступить в астраханской опере. Агеев стремится получить профессиональное образование, он поступает в частное музыкальное училище. Но средств не хватало, а владелец училища меньше всего интересовался способностями молодого артиста. Училище закончить не удалось.

Вскоре началась первая мировая война, и Константин Агеев стал рядовым царской армии. События на фронте, в частности брусилловское наступление, многому научили молодого Агеева. Он увидел могучую, величественную силу России. И когда грянула революция, борьба за победу советской власти становится смыслом жизни Константина Агеева. Мы видим его председателем ротного комитета — революционным вожаком солдатских масс, мы видим его активным участником подавления мятежа саратовских юнкеров; мы видим его в окруженной белогвардейцами Астрахани, где он возглавляет театральный отдел провозглашенной XI армии и имеет счастье работать под руководством Сергея Мироновича Кирова. И там, в осажденном врагами, изнывающем от голода и тифа, городе, Агеев впервые осознал действительную роль искусства, — «революцией

былизванного и призванного». Артисты организованных Агеевым красноармейских студий и фронтовых бригад зажигали истомленных бойцов, понимали их боевой дух и вместе с ними, сжимая в руках винтовки, шли в бой на врага.

Новое театральное искусство, советский театр рождался в пламени борьбы, в битвах за новый общественный строй.

Агеев живет и работает для Родины, чудесно обновляемой Лениным и Сталиным, советской властью, советским народом, отдавая этому все свои силы.

Вот почему Константину Михайловичу так удавались и удаются образы современников — героев нашего времени; умных и бесстрашных командиров, заботливых и волевых большевиков-хозяйственников, твердых и принципиальных партийных руководителей, честных и глубоко преданных партии и народу ра-

бочих, солдат, матросов, интеллигентов. Комиссар Роман Кошкин из пьесы «Любовь Яровая» К. Тренева и матрос-большевик Артем Годун из «Разлома» Б. Лавренева были для Агеева не шапочными знакомыми, а соратниками боевых походов, боевыми друзьями и вместе с тем олицетворением могучих сил революции. Вот почему эти образы согреты теплотой агеевского сердца, живым дыханием настоящего искусства, которое порождается истинной любовью к людям и безошибочным пониманием своей эпохи.

Большевик-хозяйственник Гай из пьесы «Мой друг» Н. Погодина и коммунист-руководитель Берест из пьесы «Платон Кречет» А. Корнейчука, и старый артист Медведев из «Славы» В. Гусева — все было для Агеева случайными «проходящими» ролями. Он с жадностью всматривался в лица и души своих современников, он встречал этих людей в Астрахани, Баку, Ташкенте, Махач-Кала, Прокопьевске, Барнауле, Омске, общался с ними, жил одной жизнью, переживал их неудачи и радовался их успехам, — потому что строительство социализма — это кровное дело и Гая, и Береста и Медведева, и Агеева! И артист показывал своим зрителям не условную схему, а живого, во плоти и крови, человека своей эпохи.

Член Военного Совета Гайдар из пьесы «Фронт» А. Корнейчука вкладывал в дело победы над немецкими захватчиками всю свою страсть и энергию. В образ Гайдара артист вносит непоколебимую убежденность в правоту нашего дела, веру в победу советского народа. Пьеса «Фронт», поставленная на сцене нашего театра в октябре 1942 года, в грозные

дни Сталинградской битвы, воодушевляла и зажигала советских людей на трудовые подвиги в тылу.

«Чтобы уметь изображать действительность, — говорил Белинский, — мало даже дара творчества: нужен еще разум, чтобы понимать действительность».

Художественный талант Агеева, как актера и режиссера, потому именно так дорог нам, наблюдающим его на сцене Читинского театра в течение семи лет, — что этот талант соединен с философски осмысленным отношением к действительности, с осознанным стремлением активно помогать социалистическому переустройству родной страны.

Старый мир для него — не отвлеченное понятие. В этом мире прошел он половину жизни. Егор Булычев для Агеева не просто богатый купец, умирающий от рака печени, не просто великолепная «игровая роль». Это — олицетворение распада и гибели капиталистической России, ее физического и духовного конца. Создав образ Булычева, сыграв эту роль десятки раз, К. М. Агеев продолжал над ним работать много лет, вкладывая в этот образ и свой артистический дар и свой разум.

Драматургия Горького всегда привлекала Агеева глубиной и остротой постановки социальных проблем, неповторимой сложностью психологического рисунка образов. Егор Булычев в одноименной пьесе, Сатин в «На дне», Цыганов в «Варварах» — эти образы с большим мастерством были созданы К. М. Агеевым.

Русская классическая драматургия, великий русский театр для него не архивное прошлое, не священная реликвия, не предмет сценического идолопоклонства, — но духовное богатство прошлого, которое естественно и закономерно вошло как составная часть в новую советскую

социалистическую культуру. Великолепные образы, созданные классиками русской драматургии, беспощадно разоблачали мерзость и гниль помещичье-буржуазного строя. Эти образы звали к борьбе, к раскрепощению человека, к его моральному и духовному освобождению.

На сцене Читинского театра за семь лет своей работы К. М. Агеев талантливо, вдохновенно, глазами современника, понимающего историю, осуществил постановки «Маскарада», «Леса», «На бойком месте», «Бедности не порок», «Свадьбы Кречинского» и других пьес классического репертуара.

Один из воспитанников юбиляра заслуженный артист Казахской ССР Е. Е. Орел в письме в редакцию «Забайкальский рабочий» вспоминает о деятельности Константина Михайловича в период руководства им красноармейским театром в 1921—1927 годах.

«...Это была работа с огнем, с горением, с отдачей всего себя, — работа, полная целеустремленности, посвященная делу политического и художественного воспитания бойцов и командиров... Строгий и требовательный к себе, не переносивший ни малейшей фальши, не признававший никаких компромиссов в искусстве, Константин Михайлович в этом же духе воспитывал и нас, театральную молодежь».

Таким остался художник-коммунист, неутомимый общественник, депутат областного Совета депутатов трудящихся К. М. Агеев и сейчас — в свои шестьдесят лет. Трудолюбивый, скромный мастер сцены, чуждый зазнайства, чуткий и заботливый учитель театральной молодежи — таков Агеев, один из старейших артистов Забайкалья.

О. ХАВКИН.